

ТАНЦУЕТ СОНМАС БУРХАНОВ

В БАЛЕТЕ все условно...

Но богат и выразителен поэтический язык балетного искусства.

...Вот огни рампы высвечивают грозного татарского властителя — хана Гирея. Руки его, привыкшие повелевать, скорбно повисли гдоль туловища. Ничто не может развеять его тоски по полячке Марии.

На сцене театра им. Навои идет балет Асафьева «Бахчисарайский фонтан».

...Перед своим повелителем преданно склоняется Нурали, военачальник хана. Он пытается развеять его мрачные мысли. «Вспомни свои былые походы, свои подвиги! Оставь гарем, вели запрячь коней, и понесемся снова в «бурях боевых», — взывает он к хану, но тот безутешен.

После бесплодной попытки развеять его воинственной пляской и казнь Заремы, Нурали, как верный пес, почти ползком приближается к хану и, заглядывая ему в глаза, пытается понять, что же происходит с его любимым господином. Но Гирей, просветленный любовью, уже недоступен его пониманию.

Военачальника вдохновенно танцует Сонмас Бурханов. Пантомимой и жестами, телодвижениями и прыжками он отчетливо вырисовывает душевное смятение своего героя. И зритель забывает об «условностях»: он верит всему происходящему на сцене.

Танцевальный образ, созданный Бурхановым, настолько пластичен и выразителен, что не нуждается в каких-либо комментариях: солист танцует просто и доходчиво. В его танце нет «нажимов», мелодраматических аффектаций, изощренной вычурности. Он даже вроде бы и скуп, но вместе с тем танец полностью захватывает зрителя, заставляя его сопереживать.

Сонмас Бурханову — 24 года. Его творческая биография еще очень коротка, но имя все чаще появляется на театральных афишах.

Сын известного узбекского актера, Сонмас вырос в артистической среде. И уже с раннего детства проявил интерес к хореографии.

В Ленинградской «академии танца» занимался упорно и старательно. Танцевал в алма-атинском театре, где исполнил ряд ведущих партий как в классических, так и в национальных балетных спектаклях.

Особенно удался ему тогда образ Шурале в одноименном балете татарского композитора Фариды Яруллина.

Заслуженная артистка Киргизской ССР Рейна Чокаева писала об этом спектакле: «Трудно забыть, как коварный Шурале — Бурханов — порождение темной чаши — легко, неслышно, зловеще крадется к жертве. А в сцене обручения, где леший пугает свах и сватов, артист играет весело, остро, сатирически».

Но Сонмаса постоянно влекло в родной Ташкент, и вскоре он становится солистом узбекского балета.

Ташкентского зрителя удивляет диапазон молодого исполнителя, многогранность его дарования. Бурханов показал себя не только мастером яркого, эксцентричного танца. В том же «Бахчисарайском фонтане» он исполняет партию жениха Марии — обаятельного, задумчивого Вацлава. По технике она не уступает партии Нурали, но психологически прямо ей противоположна. От всего облика бурхановского Вацлава веет каким-то внутренним изыществом и, вместе с тем, бесстрашием и благородством, когда мы видим его в легком бесшумном скольжении по сцене, в сложных дуэтных поддержках с красивыми, сильными прыжками.

И здесь особенно хорошо видно, насколько лиричен Бурханов-танцовщик, насколько музыкален он, когда почти сливается с мелодией. Его «чуткие» руки, все линии танцующего тела настолько певучи, что мы уже перестаем различать, где собственно музыка, а где танец. И вместе с тем он сдержан, строг и очень разборчив в выборе выразительных средств. У артиста нет неоправданной хореографической фразы. Ни одного лишнего штриха, ни тени самовлюбленной претенциозности.

А вот молодой порывистый граф Альберт из балета Адана «Жизель» — и снова тонкая, проникновенная трактовка образа. Альберт — Бурханов, вначале беспечный баловень «света», не сумевший вовремя понять и оценить любви простой крестьянской девушки, подкупающе искренен в своем раскаянии, поднимается до высот подлинного драматизма, когда осознает невозвратимость большой для него утраты. Передать в балете эту «диалектику души», ее перерождение, всю динамику этого сложного образа — задача не из легких, но Бурханов блестяще справился и с ней.

А в нынешнем театральном сезоне Сонмас порадовал зрителя новыми творческими удачами, исполнив роли страстно влюбленного но отверженного Дон-Карлоса и доверчивого, простодушного парня Фабрицио в спектаклях «Дон-Жуан» и «Мирандолина». Бурханов создает великолепный контраст, противопоставляя своих героев всем этим изысканно-галантным кавалерам: незадачливым волонитам и опасным «дон-жуанам».

И в каждый новый балетный спектакль молодой исполнитель вносит свое, бурхановское. Вместе со своими руководителями А. Кузнецовым и Г. Измайловой он неустанно совершенствует свой танец, углубляет сценические образы, отказываясь от затверженных трафаретных толкований.

Трудно сказать, с чего начинается работа над танцевальным образом. У Бурханова на этот счет такое мнение:

«Мало овладеть техническим мастерством, как бы совершенно оно ни было. Балет — это «ремесло» интеллектуальное. Танцовщик, как и всякий актер, должен быть человеком высокой культуры, эмоционально воспитанным. Ему необходимо впитывать в себя все — и музыку, и живопись, и скульптуру, и лучшие произведения художественной литературы, чтобы все это в какой-то момент вылилось на сцене. А иначе балет превратится в монтаж гимнастических или цирковых номеров...».

Но основной «инструмент» в лепке сценического образа — танец. И владеть этим инструментом надо в со-

вершенстве. Тело должно быть гибким, послушным, податливым, эластичным, как воск, с которым работает скульптор. А достигается это «железной» системой, очень кропотливыми, порой изнурительными тренировками.

«Особенно трудно приходится тому, чей рост нельзя назвать выигранным, — подшучивает над собой Сонмас. — Приходится так «подать себя» на сцене, чтобы зритель не заметил этого недостатка...».

Что ж, отточенная техника, завершенность поз, воздушные сильные взлеты и мягкие «приземления», строгость, чистота и элегантность танца, а главное — его одухотворенность с лихвой восполняют этот, с позволения сказать, «недостаток», и честное слово, его не замечаешь вовсе, не упомяни о нем сам Бурханов.

Из года в год в искусстве идет своя эстафета. Бурханов принял ее от прославленных педагогов Ленинградского хореографического училища, от заслуженного артиста УзССР А. Кузнецова, от выдающейся балерины нашего времени Галии Измайловой — наследницы традиций русского балета, большого мастера национального танца.

— Первую путевку в большой балет дала мне Галия Измайлова, — говорит Сонмас. — Никогда не забуду свой первый выход в паре с Галией. Исполняли дуэт из «Корсары». Знаю, что танцевал плохо. Наверняка, мешал партнерше своей неуверенностью, скованностью. Но после спектакля не услышал от нее ни малейшего упрека. Только во время последующих репетиций стала она еще требовательней, неумолимей. Работала со мной, не считаясь со временем.

И во время недавних гастролей узбекского балета в Москве и Ленинграде Бурханов сдал свой первый экзамен на этом большом и взыскательном смотре на отлично. Журнал «Театр», рассказывая о дуэте Измайловой и Бурханова в концертном отделении «Узбекская сюита», писал:

«Бурханов, взлетая в воздух и замирая в полете, проделывая такое количество пируэтов, что не верится в возможность уложить их в данный отрезок музыкальной фразы, вторит своей партнерше увлеченно и уверенно. И оба они на свободной, залитой ярким светом сцене радостно воспевают свое искусство, в котором непочатый край свежести, поэзии и красоты».

Немало молодых одаренных исполнителей взрастили подмостки ташкентского театра, и среди них — Сонмас Бурханов. Уверен, что еще не раз он порадует зрителей своими творческими удачами, вместе со старшими собратьями по труду, приумножая славу узбекского балета.

П. БЫКОВ.